

Горное управление на Алтае и его реформирование

А. А. Пережогин
**Ведомственный военный суд
на кабинетских заводах Западной Сибири**

В России суд четко разделился на гражданский и военный в первой четверти XVIII в., после того как Петр I создал особую систему военного судоустройства, представленную генеральным и полковым кригсрехтами. Оба они выступали в качестве судов первой инстанции, но отличались друг от друга компетенцией в зависимости от характера дела и служебного положения сторон. Организация суда основывалась на принципе коллегиальности рассмотрения и решения дела. Кригсрехты состояли из презуса (председателя), ассессоров (заседателей), аудитора с надзорными функциями за законным ведением процесса. Функции правосудия осуществляли не специальные судьи, а обычные строевые офицеры строго определенного ранга. Персональный состав суда не был постоянным, а назначался для каждого случая вышестоящим начальством. Не существовало деления на следственные и судебные органы.

Военный суд получил широкое распространение не только в армии, но был интегрирован в систему управления отраслями экономики, которые обеспечивали обороноспособность страны, финансовые интересы государства и его главы. В том числе он использовался на Колывано-Воскресенских заводах, находившихся с 1747 г. в ведении Кабинета Его Императорского Величества. До 1777 г. известны единичные случаи применения военного суда на Алтае по служебным или должностным преступлениям и проступкам горнозаводской бюрократии, таким как неис-

---

Пережогин Алексей Анатольевич, канд. ист. наук, докторант кафедры Отечественной истории Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: a-perezhogin@rambler.ru

правность в должности, уклонение от выполнения возложенных обязанностей, пьянство, злоупотребление служебным положением¹.

Регулярное применение военного судопроизводства на Колывано-Воскресенских заводах было ограничено малочисленностью, разбросанностью и занятостью контингента горных и военных офицеров по рудникам и заводам, так как из них подбирался состав военного суда; спецификой и узостью его компетенции (должностные преступления горной администрации); концентрацией судебно-следственных функций в Канцелярии горного начальства (местном учреждении губернского уровня власти); наконец, более удобной системой административного воздействия, представленной «крепкими» выговорами, штрафами, вычетами из жалованья, арестами, лишениями чина на время, легкими телесными наказаниями (сидение на пушке, кобыле, деревянной лошади) и т. д.

Однако практика управления вскоре обнаружила неэффективность административных мер воздействия. В 70-е гг. XVIII в. наблюдается всплеск служебных преступлений среди горных офицеров, особенно на Змеиногогорском руднике. Ответом на него стало учреждение в Барнауле постоянно действующей комиссии военного суда при канцелярии Колывано-Воскресенского батальона по указу Кабинета от 21 июля 1777 г. 17 ноября этого же года военно-судная комиссия приступила к работе².

До 1780 г. она занималась разбором дел о преступлениях горных офицеров и служащих горного батальона. Указ Кабинета от 24 сентября 1779 г. начальнику заводов Б. И. Меллеру предписал качественное расширение её компетенции за счет мастеровых и работных людей³. Прямым следствием этого распоряжения явилась резкая активизация работы Барнаульской комиссии военного суда. Если в янва-

---

¹ См. подробно: *Пережогин А. А.* Из истории военного суда на Колывано-Воскресенских заводах (1747–1777 гг.) // Алтайский сборник. Барнаул, 2004. Вып. 21. С. 5–13.

² ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 726. Л. 77 – 77 об., 129 – 129 об.; Д. 855. Л. 109.

³ Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 59. Л. 14 об.

ре 1778 г. под военным судом состояло всего 3 чел. (все – горные офицеры), то в сентябре 1780 г. – уже 57 (в основном горные работники)¹. В августе 1780 г. на Змеиногорском руднике была сформирована отдельная часть военного суда в составе трех ассессоров из военных и горных обер-офицеров, аудитора из сержантов². Изначально Змеиногорская комиссия не обладала правом заключения приговоров (сентенций, мнений), а проводила только розыски по преступлениям горнозаводского населения Змеиногорского края, направляя следственные материалы в Барнаул. С ростом числа рассматриваемых дел постепенно вырос штат канцелярии Барнаульской комиссии военного суда: с двух в 1778 до пяти чел. в 1797 г.³

Барнаульский военный суд в 1777 г. был укомплектован в следующем составе: презус из штаб-офицеров горного батальона, четыре ассессора из батальонных обер-офицеров, один ассессор из горных обер-офицеров, аудитор из сержантов⁴. В 80–90-е гг. XVIII в. число ассессоров в Барнаульской военно-судной комиссии сократилось до 3 чел. Презус и ассессоры не получали особого жалования за работу в суде. Следствием этого было небрежное отношение к исполняемым обязанностям. Сказывалось также отсутствие должного контроля над работой суда со стороны аудитора. Эту должность выполняли батальонные писари, обер- и унтер-офицеры. Они не имели достаточной квалификации. Ходатайство начальника заводов перед Кабинетом в сентябре 1797 г. о назначении опытного аудитора закончилось неудачей⁵.

С созданием Змеиногорского филиала завершилось первоначальное оформление структуры военного суда на Колывано-Воскресенских заводах, но не его компетенции.

---

¹ ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 723. Л. 249 об. – 251 об.; Ф. 169. Оп. 1. Д. 60. Л. 268–275.

² Там же. Ф. 169. Оп. 1. Д. 8. Л. 30, 33; Д. 44. Л. 6 – 8 об.; Д. 91. Л. 229, 277–278.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 855. Л. 122 об.–123; Ф. 169. Оп. 1 доп. Д. 37а. Л. 382 – 383 об.

⁴ Там же. Д. 726. Л. 83.

⁵ Там же. Ф. 169. Оп. 1 доп. Д. 37а. Л. 380.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы свидетельствуют о наличии межведомственных разногласий горного начальства с общегосударственными судебными органами по вопросу подсудности уголовных преступников из мастеровых и работных людей. Данная проблема возникла осенью 1781 г. Это видно из сообщения Судного департамента Колыванской области от 22 октября областному правителю и начальнику заводов Б. И. Меллеру. В нем шла речь о расследовании в Колыванской верхней расправе нескольких случаев краж «денег и пожитков на немалую сумму» крестьянами Малышевской слободы и мастеровыми Сузунского завода. В сообщении высказывалось сомнение в правомерности осуществления военного судопроизводства над мастеровыми, «кои явятся в разбоях и воровствах». В срочном порядке Б. И. Меллер доложил о спорной ситуации в Петербург. Он усмотрел в ней угрозу потери работников для предприятий. Кабинетский указ от 16 июля 1782 г. развеял опасения начальника заводов, предписав отсылать мастеровых по уголовным делам в военный суд¹. Несмотря на это распоряжение, с возможностью предания мастеровых и работных людей гражданскому суду покончено не было. Например, в 1790 г. по определению Тобольской палаты уголовного суда был наказан плетью промывальщик Змеиного рудника П. Пермитинов «за побег и за имение фальшивых пашпортов»². Переписка по спорному вопросу вновь возобновилась в 1798–1799 гг. Причины этого крылись в результатах административных реформ 1796–1797 гг., которые привели к временному отсутствию чётких критериев взаимодействия между горными и гражданскими властями в судебной сфере. 11 июля 1799 г. Кабинет окончательно запретил отсылать преступников из мастеровых в гражданские суды³.

В первые годы деятельности постоянного военного суда на кабинетских предприятиях имели место единичные

¹ ЦХАФАК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 44. Л. 536–539, 540 – 541 об., 542 – 542 об.

² Там же. Оп. 1 доп. Д. 36в. Л. 8 – 8 об.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 184. Л. 16 – 16 об.; Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 60. Л. 130–131.

случаи востребования военного судопроизводства применительно к мещанам, приписным крестьянам, женскому населению заводов. Применение военного судопроизводства в отношении вышеуказанных социальных групп объясняется первоначальной аморфностью военного суда и новых гражданских учреждений, созданных административными реформами 1779–1783 гг. и не имевших ясных представлений о своей компетенции.

В начале XIX в. на кабинетских предприятиях продолжали функционировать Барнаульская военно-судная комиссия, а также её отдельная часть в Змеиногорске. Они с большим трудом справлялись со всем объемом военно-судебных дел на фоне роста численности горнозаводского населения, общей криминализации обстановки в горнопромышленных центрах Западной Сибири. Кроме того, сказывалось отсутствие ещё одного звена в системе военного судоустройства Колывано-Воскресенского горного округа. Обширный Салаирский край не располагал своим постоянным военным судом. Поэтому в январе-октябре 1818 г. на территории Салаирского рудника и Томского завода действовала особая следственная комиссия в составе 2–3 ассессоров из военных и горных офицеров, а также статских чиновников¹. Судя по своему назначению и характеру разбиравшихся дел, она играла роль дополнительного филиала Барнаульской военно-судной комиссии.

Указ Кабинета от 9 октября 1818 г. удовлетворил ходатайство начальника заводов П. К. Фролова об открытии новых комиссий военного суда². Согласно указу Змеиногорская комиссия получила самостоятельность и равные права с Барнаульской. В ее ведение поступило население поселков при рудниках Змеиногорского края, Локтевском заводе и Колыванской шлифовальной фабрике. Деятельность Барнаульской военно-судной комиссии ограничивалась пределами Барнаула, селениями Павловским и Сузунским. Была учреждена также Салаирская комиссия, которая

¹ ЦХАФАК.Ф. 24. Оп. 1. Д. 65. Л. 206–207; Д. 82. Л. 155; Д. 92. Л. 414.

² Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2161. Л. 12 – 13 об.

выносила приговоры по делам населения, проживавшего при Салаирских рудниках, Гавриловском, Томском и Гурьевском заводах. В 30–50-е гг. XIX в. три постоянно действующие военно-судные комиссии разбирали правонарушения жителей промышленных посёлков казенных золотых промыслов. В большей степени дела работников золотых приисков затронули Салаирский военный суд. До 1818 г. Барнаульская военно-судная комиссия состояла из презуса, 2–4-х ассессоров, аудитора. В её змеиногорский филиал входили, как правило, 3 ассессора и аудитор. Кабинетский указ 1818 г. определил обязательный состав каждой военно-судной комиссии из презуса, 2-х ассессоров и аудитора.

Обращает на себя внимание исполнение обязанностей председателей и ассессоров военных судов Барнаула, Змеиногорска и Салаира статскими чиновниками. До 30-х гг. XIX в. нам известен всего один случай назначения статского чиновника на должность презуса военно-судной комиссии. В 1818–1820 гг. Салаирский военный суд возглавлял титулярный советник И. И. Козлов. В результате кадровой реформы 1834 г. работа статских чиновников в трех постоянных военно-судных комиссиях стала распространенным явлением. С 1829 г. военные офицеры заседали в ведомственных судах Алтайских заводов только по делам военнослужащих Линейного сибирского батальона № 10. Тем не менее начиная с 1842 г. горная администрация активно использовала военных офицеров в качестве заседателей военно-судных комиссий для разбирательства противоправных действий горнозаводского населения округа «по неимению свободных горных чиновников»¹. По этой же причине в комиссиях военного суда работали горные инженеры и офицеры Корпуса лесничих.

До 1828 г. не отличалась устойчивостью и постоянно колебалась численность канцелярских служащих военно-судных комиссий. Например, в 1819–1827 гг. в Барнаульском военном суде насчитывалось от 9 до 17 делопроизводителей. К выполнению их обязанностей привлекались ун-

---

¹ ЦХАФАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4394. Л. 10–11, 69–70.

тер-офицеры, солдаты, школьники, рудоразборщики. В соответствии со штатным расписанием 1828 г. в канцеляриях Барнаульской и Змеиногорской комиссий военного суда находилось по 6, в Салаирской – 4 писца. Согласно штатам 1849 г. в каждой военно-судной комиссии работали 2 писаря, 2 писца, а также 2 сторожа¹.

По своему статусу постоянные военно-судные комиссии приравнивались к заводским (горным) конторам. Вместе с тем хлопотные должности презуса и ассессоров были не престижными в среде офицеров и чиновников, так как не приносили никаких материальных выгод своим обладателям. Лишь в 1850 г. председатель и заседатели получили особое содержание за работу в суде. По штатам 1849 г. оклад презусов составил 520 руб., ассессорам была положена надбавка к основному жалованью в размере 60 руб. серебром. С 1810 г. находившиеся в военном суде при письменных делах унтер-офицеры и солдаты стали получать дополнительное денежное содержание из заводской кассы. Специальное жалованье полагалось аудиторам: до 1819 г. – 60 руб., с 1819 г. – 120 руб. ассигнациями, с 1845 г. – 142 и 214 руб. серебром в зависимости от социального происхождения, с 1850 г. – 260 руб. серебром². Несмотря на устойчивую тенденцию повышения денежных окладов аудиторов, прежде всего эта категория служащих военных судов была уличена в должностных злоупотреблениях³. Кроме этого, аудиторы из горных нижних чинов, по отзыву главного начальника заводов С. П. Татаринова от 4 мая 1842 г., «не только не имеют сведений, потребных для аудитора, но даже весьма ограничены в познаниях русской грамоты»⁴. Реальным выходом из этой ситуации явились

---

¹ ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2147. Л. 102–103; Ф. 24. Оп. 1. Д. 121. Л. 4–7; Д. 139. Л. 36–40; Д. 142. Л. 57–58; Д. 333. Л. 6–8, 49–52; ПСЗРИ-2. Т. 24. Отд. 2. Приложения I. Штаты и таблицы. С. 81.

² ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2147. Л. 69–70; Ф. 2. Оп. 1. Д. 571. Л. 91 – 91 об., 97 – 97 об.; Ф. 24. Оп. 1. Д. 13. Л. 84 – 84 об.; Д. 142. Л. 61 об.; ПСЗРИ-2. Т. 24. Отд. 2. Приложения I. Штаты и таблицы. С. 81.

³ ЦХАФАК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 30. Л. 178; Д. 82. Л. 744; Д. 215.

⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 587. Л. 276 – 278 об.

командировки в 40-е гг. XIX в. не менее 5 горных пенсионеров Алтайских заводов в Аудиторскую школу при батальоне военных кантонистов и Аудиторское училище Военного министерства в Санкт-Петербурге¹.

Особого внимания заслуживает вопрос причастности к военным судам мещан, приписных крестьян, женского населения горнозаводских центров Западной Сибири в XIX в. В резолютивной части сентенций военного суда первых двух десятилетий XIX в. о преступниках из гражданских лиц говорилось как «о подлежащих к присуждению, но к приговору воинскому по силе воинских процессов неподходящих». Тем не менее до 1824 г. в отношении указанных социальных групп военный суд играл роль обвинительного института. Руководствуясь его материалами, окончательное решение выносило вышестоящее горное начальство. Речь идет о денежных штрафах, телесных наказаниях, переводе из мещанского и крестьянского состояния в горные работники, исправительных прачечных и рудоразборных работах для женщин. До административных преобразований 1822–1824 гг. в компетенции общегражданских судебных органов находились только наиболее серьезные правонарушения (убийство, грабеж и пр.) гражданского населения горного округа и вынесение соответствовавших им наказаний: кнут, каторжные работы, ссылка на поселение. В 30–40-е гг. XIX в. ведомственный военный суд на Алтайских заводах был востребован по делам приписных крестьян и мещан в специально оговоренных законом случаях: воровство военного имущества, похищение драгоценных металлов, оказание сопротивления властям, недосмотр за арестантами, приводивший к побегам. К подсудимым из приписных крестьян применялось телесное наказание шпицрутенами². Благодаря универсальному характеру военного судопроизводства в правление императора Николая I не исключая

¹ ЦХАФАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 587. Л. 500–507; Д. 4394. Л. 179 – 181 об., 216 – 219; Д. 5373. Л. 374–376, 462–464.

² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 724. Л. 27 – 35 об.; Д. 985. Л. 12 – 12 об.; Оп. 2. Д. 654. Л. 383–387; Ф. 24. Оп. 1. Д. 18. Л. 450; Д. 20. Л. 165; Д. 23. Л. 368, 459; Д. 24. Л. 178; Д. 37. Л. 155; Д. 41. Л. 64; Д. 42. Л. 272, 377; Д. 44. Л. 190; Д. 188. Л. 185–188; Д. 196. Л. 16 – 16 об.; Д. 241.

лась возможность организации военно-судных комиссий по делам приписных крестьян на основе гражданских судебных органов – окружных судов Томской губернии¹.

В период деятельности ведомственного военного суда в Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе с 1777 по 1868 г. нами было выявлено 6 261 военно-судное дело. В указанные временные рамки под военным судом состояло не менее 8 732 лиц. Анализ состава дел и подсудимых² позволяет сделать несколько основополагающих выводов о деятельности военного суда на Алтае. В целом по своей компетенции это учреждение было уголовным. С одной стороны, оно являлось важным регулятором социальных отношений в судебно-правовой сфере и в определенной степени сдерживало рост преступности в промышленных центрах Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа. С другой стороны, постоянные военно-судные комиссии были средством внеэкономического принуждения. Значительное место в их судебно-следственной практике занимали дела о побегах с горнозаводских работ мастеровых и работных людей. Особо следует выделить такие специфические виды преступлений, как ложное показание на себя убийства и покушение на убийство с целью избавиться от горнозаводских работ. Как и побеги, они представляли собой своеобразную форму социального протеста. Горная бюрократия и горные нижние чины находились под военным судом, главным образом, по должностным преступлениям и казнокрадству. Для этих лиц он выступал в качестве средства дисциплинирования. В целом постоянный военный суд являлся карательным органом для низовых слоев горнозаводского населения Западной Сибири. Мастеровые, работные люди, инвалиды и солдаты составляли более 90 % от числа всех подсудимых.

При сопоставлении численности осужденных и оправданных лиц по основным пунктам обвинения мы пришли к

---

¹ ЦХАФАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4394. Л. 46 – 46 об., 57–58; Оп. 2. Д. 654. Л. 217–218, 223.

² См. подробно: *Пережогин А. А.* Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005. С. 233–240.

следующим суждениям. Количество осужденных за побеги с заводских работ практически приближалось к 100 %. В этом случае ситуация объясняется очевидностью совершенных побегов. Число оправданных и оставшихся в подозрении по деяниям против личности, нравственности и собственности частных лиц составляло не менее 50 %. Последнее обстоятельство говорит о наличии двух моментов в деятельности военного суда – низкой раскрываемости преступлений и относительной объективности судей, руководствовавшихся теорией формальных доказательств.

Процесс военного судопроизводства начинался официальным предписанием горного начальства. Перед слушанием дела презус и ассессоры приносили присягу. Обязательной процедурой было напоминание председателю всем находящимся в судейском собрании лицам соблюдать тайну процесса. В 1838 г. была окончательно запрещена заочная форма военного судопроизводства, которая препятствовала «доставлять подсудимому все возможные средства к его оправданию»¹. В рассматриваемый период наибольший вес имело собственное признание. Для его получения в XVIII в. применяли пытку. Обычно подсудимых выдерживали на хлебе и воде либо «без пищи и питья» несколько суток. В XIX в. с подсудимых уже брали подписку о неприменении к ним во время следствия и суда «пристрастных допросов» (пытток. – *А. П.*). При увещевании подозреваемого прибегали к услугам священника. Свидетелей из гражданских лиц допрашивали в присутствии специального депутата от общегосударственных судебных учреждений. После анализа доказательств военный суд составлял «экстракт» с кратким содержанием дела, производил выписку из законов и переходил к формулировке приговора. Он составлялся в письменной форме и подписывался членами суда и аудитором. В наиболее важных случаях подписи скреплялись личными печатями ассессоров и председателя. Затем приговор поступал на утверждение горного начальства. По его резолюции приговор приводили в исполнение. Если осужденный подвергался телесному наказанию, обязательной процедурой было со-

---

¹ ЦХАФАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 587. Л. 163–166.

ставление так называемого экзекутериального листа с подписями присутствовавших при наказании горных и военных офицеров. В XIX в. приговор приводился в исполнение под контролем самих военно-судных комиссий. Непосредственное руководство процессом военного судопроизводства осуществляла земская часть Канцелярии горного начальства (с 1828 г. – судное отделение Горного правления).

При определении приговоров военный суд руководствовался положениями Артикула Воинского, Морского устава, Соборного уложения, отдельными и многочисленными указами монарших особ и Сената. С 1840 г. при вынесении приговоров военно-судные комиссии Алтая использовали нормы Военно-уголовного устава Свода военных постановлений¹.

До 20-х гг. XIX в. общее присутствие Канцелярии горного начальства окончательно решало дела («не утруждая вышнюю команду») о преступлениях, «нетяжкому осуждению подлежащих яко то: к наказанию батоги, плетьюми и шпицрутеном». В 1822 г. позиции властных местных структур значительно усилились в результате предоставления начальнику (с 1830 г. – главному начальнику) заводов полномочий главы Томской губернии. С этого времени он окончательно утверждал приговоры военно-судных комиссий по тяжким преступлениям мастеровых и работных людей: разбоем, грабежам, убийствам, многократным побегам. В 1843 г. в его ведение перешли дела «по чрезвычайным происшествиям» (об утонувших, самоубийцах, пожарах, где нет виновных и пр.). К 1849 г. в компетенции главы окружной администрации находились также преступления горных нижних чинов, лиц моложе 17 и старше 70 лет, дела по секретной части (фальшивомонетчество, хищение драгоценных металлов). По делам солдат и офицеров Линейного сибирского батальона № 10 он обладал полномочиями командира дивизии. Горное правление самостоятельно приводило в исполнение приговоры по преступлениям средней тяжести (кражи больше 6 руб. серебром, неоднократные побеги), когда наказание не превышало 1 500 ударов

---

¹ ЦХАФАК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 26. Л. 232, 242–243, 248–250 об.

шпицрутенами. До военных судов не доходили первые побеги мастеровых, мелкие кражи и другие незначительные правонарушения горнозаводского населения. Эта категория дел решалась административным порядком Горным правлением и конторами¹.

В 20–50-е гг. XIX в. в ведении центральных судебных инстанций находились дела, по которым к наказанию при-суждалось более 9 чел., или когда речь шла о серьезных наказаниях служащим из дворян, «штаб и обер-офицерских детей» (исключение из службы, лишение чинов и дворянства). Верховными арбитрами выступали: до 1830 г. – Кабинет; в 1800–1801 гг. – Берг-коллегия; с 1830 по 1834 г. – Горный суд при Департаменте горных и соляных дел; с 1834 по 1863 г. – Горный аудиториат (с 1837 г. в составе Корпуса горных инженеров). В XVIII в. Военная коллегия, а с 1829 г. – командир Отдельного Сибирского корпуса и Генерал-аудиториат при Военном министерстве разбирали наиболее серьезные правонарушения военнослужащих кабинетских предприятий. С 1837 г. Министерство внутренних дел и Комитет министров занимались делами раскольников. Высшим судьей являлся сам император².

Демилитаризация системы управления Алтайского горного округа повлекла за собой упразднение ведомственных судебных учреждений. В 1863 г. прекратили свою деятельность военные суды Змеиногорска и Салаира. Барнаульский военный суд и военно-судное отделение Горного правления были закрыты в марте 1868 г. Несколько нерешенных ими дел были переданы в комиссию военного суда, учрежденную при Алтайском горнозаводском батальоне³. Она просуществовала до 1871 г.

---

¹ ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 81. Л. 92; Ф. 2. Оп. 1. Д. 587. Л. 264–273; Оп. 2. Д. 69. 2–13, 33–36; Д. 261. Л. 5–14; Ф. 23. Оп. 1. Д. 58. Л. 412 – 412 об.

² Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 286. Л. 163; Ф. 2. Оп. 2. Д. 26. Л. 126 – 126 об.; Д. 69. Л. 44 – 45 об.; Д. 278. Л. 1 – 2 об.; ПСЗРИ-2. Т. 6. № 4775; Т. 9. Отд. 1. № 6685. С. 3, 7; Т. 12. Отд. 1. № 10114; Устав горный 1842 г. // СЗРИ. Уставы: монетный, горный и о соли. СПб., 1842. Т. 7, ч. 3. С. 351.

³ ЦХАФАК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1394; Д. 7003. Л. 179.

Кроме постоянных военных судов в горнозаводском районе Западной Сибири были востребованы особые военно-судные комиссии. Первые сведения о дополнительных комиссиях военного суда на Колывано-Воскресенских заводах относятся к концу XVIII в. Всего нам удалось выявить 16 особых военно-судных комиссий, действовавших на кабинетских предприятиях Западной Сибири в XVIII–XIX вв. Из них 4 функционировали в 1793–1797 гг., 10 – в 1817–1834 гг., 2 – в 1863–1867 гг. При этом 12 находились в Барнауле, по две в Змеиногорске и Салаире. В 1822–1825 гг. в Барнауле одновременно работали 4 особые комиссии военного суда. Срок полномочий особых военных судов простирался от нескольких месяцев до 13 лет. Объем их деятельности охватывал от одного до нескольких десятков дел.

Особые военные суды состояли из презуса, от 2 до 6 ассессоров, аудитора. В отличие от презуса, ассессоры и аудиторы особых военно-судных комиссий нередко являлись членами постоянно действовавших военных судов. Поэтому только от персоны специально назначенного горным начальством председателя зависел статус военно-судной комиссии как особо учрежденной.

Одним из главных мотивов организации дополнительных военных судов являлось осуществление правосудия по должностным преступлениям и казнокрадству горной бюрократии, горных нижних чинов, приказных служителей, командного состава ведомственного военизированного подразделения (40 % всех подсудимых). Также следует выделить стремление горной администрации за счет дополнительно созданных комиссий ускорить процесс судопроизводства при скоплении дел в основных военных судах. Наконец, формирование особых военных судов стимулировали родственные или неприязненные отношения начальника заводов и презусов Барнаульской военно-судной комиссии с подсудимыми. Эта причина была един-

ственной при учреждении дополнительных комиссий военного суда в конце XVIII в.¹

В целом, деятельность трех постоянных и особых военно-судных комиссий в горнопромышленном регионе Западной Сибири наглядно демонстрировала одну из важнейших черт традиционной модели управления – неотделенность суда от администрации. От горного начальства зависело направление дел в военный суд, изменение его состава с учётом нужд горнозаводского производства, ревизия, утверждение или переадресование в вышестоящие инстанции выносимых приговоров. Из вышесказанного можно сделать вывод, что военные суды кабинетских предприятий Алтая являлись чисто ведомственными судебными учреждениями.

---

¹ ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 55. Л. 69–70; Ф. 169. Оп. 1. Д. 727. Л. 367–368; Д. 789. Л. 68 – 68 об.